

ТАЛАНТ ВСЕГДА ЧЕЛОВЕЧЕН

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ Юрий Павлович, не знаю, сумею ли я сколько-нибудь убедительно передать чувства, побудившие меня обратиться к вам с этим письмом. Оно вызвано вашим рассказом «Отщепенец», который я прочел в седьмом номере журнала «Октябрь».

Взволнованный его страшным смыслом и одновременно силою вашего изобразительного таланта, я был охвачен потоком разноречивых чувств. Главных чувств было два, и по мере того, как я думал над вашим рассказом, они все более росли и укреплялись. Это — неприятие изображенного вами, несогласие с выводами и обобщениями, на которые наталкивает ваш рассказ и содержанием, и самим своим заглавием, желание сказать вам, как вы неправы, и в то же время — обида за ваш талант, отданный такой предвзятой, такой противостоительной для художника идее.

Герой вашего рассказа Егор — обладатель дивного голоса, редкого певческого дарования, но он же — полуживое, дикий, замшелый, пьяный, живущий в постоянном тяжелом отупении.

Где, когда и почему это происходит? Если бы вы хотели изобразить, как еще в доисторические времена впервые на земле власть пробуждающегося в человеческом существе таланта до основания потрясла дикую первобытную душу, я поверил бы вам.

Но когда сегодня я открываю журнал с прекрасным символическим заглавием «Октябрь» и читаю о том, что где-то рядом, в нашей жизни, прозябает, дремлет ваш Егор с его чудным, но бессмысленным, ни к чему и ни к кому не обращенным талантом, — я не хочу и, главное, не могу вам поверить. Это неправда, жестокое заблуждение по отношению к самому понятию «талант» и к русской песне, которая всегда — и в истории, и теперь — так много значит для всех нас. В песне — красота добра, человечность,

◇
*Открытое письмо писателю
Юрию Казакову*
◇

порыв, преображающие души. Когда Федя Протасов познал ложь, суесловие, фальшь людских установлений, только в песне — широкой, степной — он увидел выход сердцу, откровение, волю. А Яков из тургеневских «Певцов»?.. В нищете, забитой жизни, где у людей не имена — клички, песня Якова — как проблеск, мимолетное счастье, надежда на что-то иное, прекрасное...

Читая ваш рассказ, думал я: зачем же человеку дан талант? И не смирился с ответом, подсказанным вами. По-вашему, талант — отщепенец. Как же так? А наше отечественное искусство, подвиг наших бессмертных учителей и старших товарищей, сыевших «разумное, доброе, вечное», веривших в это святое назначение искусства? Что же тогда Ермолова, Ленский, Стяжиславский, Шаляпин, их любовь, страдания, жертвы, если нет смысла в таланте и добра — в красоте?

Может быть, кому-то из молодых людей ваш рассказ и покажется чем-то оригинальным, новым, — мне он напоминает забытые теперь, но когда-то, в годы моей юности, перед революцией 1917 года, весьма распространенные в интеллигентской среде споры о таинственном, дремучем народе с непонятной, загадочной душой. Но эти споры велись где-то в мешанском захолустье литературы. Для нас — молодых, здоровых людей, воспитанных в сознании долга перед народом, в горячей любви к России, — существовали только великая русская литература и искусство, которые утверждали, что наш народ в преизбытке, могуче, стихийно талантлив, одарен щедрой, доброй душой. И пусть он забит, унижен, темен, но он ждет, зовет нас, и мы стремились отдать ему все силы ума и души, свою жизнь в искусстве. Мы мечтали

о том времени, когда народ будет свободен, и вместе с Короленко с трепетом надежды смотрели, как играет народная река. С верой в обновляющую добрую силу искусства вступили мы, вслед за своими великими учителями, в искусство, на сцену, и пронесли эту веру через всю жизнь. Талант — не бессмысленен, нет! Русский талант человекен, гуманен в самом высоком смысле этого слова, он — с людьми и для людей!

Разве можно закрыть глаза на то, что после Великого Октября в искусство хлынул бурный поток освобожденных народных талантов, что при Советской власти каждый одаренный человек — живи он в городе или в деревне — сразу же получает поддержку, ободрение, реальную помощь общественных организаций, деятелей искусства, многих и многих людей? Оглянитесь на ваших сверстников, на старших и младших товарищей... Как много хорошего, благородного может сделать у нас по-настоящему талантливый человек. А вы дивному таланту сопричислили дикость, первозданное грубое невежество, равнодушие ко всему на свете.

У меня осталось тяжелое чувство от вашего рассказа.

Хочется верить, что вы — молодой, стоящий в начале своего творческого пути человек — покинете искусственный мир, созданный вами, и, оглянувшись на мир, простирающийся вокруг, откажетесь от уродливых, извращенных образов, подобных вашему отщепенцу. Поймите, что своим рассказом вы служите не добру, а злу: вы принижаете человека, оскорбляете в нем его «душу живую», порываете с гуманистической природой нашего искусства.

Михаил РОМАНОВ,
народный артист СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 109 3 сентября 1959 г. 3

284